

вопрос должен быть поставлен глубже: главное воздействие на английский реализм оказала характерная именно для Англии XVIII — XIX вв. доминанта духовной жизни. Имеется в виду морально-этическая доктрина, которая получила в Англии XVIII в. широкое распространение и признание, оспаривая в практическом значении пальму первенства у политической экономии. В своей классификации наук Д. Локк на первое место в разряде всех «практических наук» выдвинул этику; в дальнейшем ее удельный вес все больше повышался, и «с точки зрения большинства представителей английского Просвещения, именно этика была призвана довести до конца дело „славной революции“ и устранить оставленные ею изъяны» [8, с. 12].

Эта этическая доктрина оказывала сильное влияние на английский реалистический роман XVIII в. С особенной отчетливостью проявилось оно в том, что создатели названного романа, «обобщая свои наблюдения, пользовались по преимуществу *этическими*, а не *социальными* категориями» [8, с. 10]. В XIX в. локксовско-шефтсберианская этическая доктрина распадается, но и в викторианской Англии морально-этический фактор остается доминантой духовной и нравственной жизни страны, и реалистическая литература в значительной мере испытывает ее воздействие. В своей монографии о литературе викторианского века Д. Тиллитсон не без оснований утверждает, что не только Диккенс, но и Теккереи, и другие романисты во главу угла ставили этические цели, моральную сторону проблем и явлений [9]. Разумеется, при этом морально-этическая идея переосмыслилась английскими писателями-реалистами, они очищали ее от буржуазного лицемерия и утилитарности, вкладывали в нее подлинно гуманистическое содержание и высокое нравственное чувство. Названная доктрина превращалась у них прежде всего в этику сочувствия и сострадания.

Именно наличием указанной доминанты объясняется такая особенность английского реалистического романа, как сохранившаяся от предыдущего столетия склонность трактовать социальные проблемы и явления в координатах морально-этической системы и в ней же искать окончательное решение острых общественных вопросов, что в одинаковой мере свойственно как благодушному Диккенсу, так и скептическому Теккерей. Но это также означает, что английский реализм не отличался такой же последовательностью социальной аналитичности и такой же бескомпромиссностью социальной критики, как реализм французский или русский. С особенной отчетливостью это раскрывается в традиционных развязках многих английских реалистических романов прошлого века, в их пресловутых *happy end*. И, пожалуй, прав У. Аллен, который отмечает, что английский реалистический роман XIX в. не только уступает французскому или русскому в радикальности критики общественной жизни, но и самый его критицизм носит ощутимо иной характер [10, с. 140].

Хотя Англия в XIX в. была самой передовой промышленной страной и естественные науки в ней развивались наиболее интенсивно, «научная доминанта» в ее духовной культуре тогда не сложилась. Английским реалистам, включая Э. Тrollope и Дж. Элиот, оставались чужды «научный подход», «научные принципы» познания и воспроизведения жизни, столь увлекавшие французских реалистов. В этом плане особенно интересен феномен Дж. Элиот, которую некоторые исследователи причисляют к натуралистам. Как известно, она испытала влияние позитивизма и ратовала за «научные принципы» в литературном творчестве, однако в ее художественной практике все это оставалось скорее на уровне общеметодологическом. Ни «экспериментальный метод», ни физиологизм натуралистов к ее творчеству неприменимы, она сохранила веру в незыблемость моральных устоев и этических ценностей жизни, и основной пафос ее произведений заключается не в «научности», а в утверждении назван-